Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть II)*

МОМОТОВ Виктор Викторович, председатель Совета судей Российской Федерации, судья Верховного Суда Российской Федерации, высший квалификационный класс судьи, доктор юридических наук, профессор

Россия, 121260, г. Москва, ул. Поварская, 15

E-mail: viktormom@mail.ru

Верховным Судом Российской Федерации инициирована масштабная судебная реформа, призванная модернизировать существующую модель правосудия в соответствии с новыми запросами гражданского общества и современными стандартами правового развития. Эта реформа представляет собой комплексную систему мер, затрагивающих судоустройство, судопроизводство, а также правовой статус судей.

Цель исследования — теоретико-правовое и практическое обоснование предложений высшей судебной инстанции по модернизации процессуально-правовых институтов. Задачи исследования — анализ сравнительно-правового и исторического контекста предлагаемых изменений, оценка причин подготовки поправок к процессуальному законодательству, их содержания и последствий реализации.

Методы исследования: системный, историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический.

Меры по реформированию судопроизводства соответствуют актуальной общемировой тенденции рационализации и прагматизации права. Правовой прагматизм в сфере правосудия предполагает, что основная цель развития процессуального законодательства состоит в обеспечении качественного рассмотрения споров в разумные сроки с минимальными издержками для сторон. Из этой базовой идеи проистекают предложения по ограничению перечня случаев, когда суд обязан составить мотивированное решение, по расширению сферы применения упрощенного судопроизводства, внедрению профессионального судебного представительства, активизации использования электронных технологий в судебном процессе, закреплению процессуально-правового статуса помощника судьи. Реализация предложений экспертного сообщества о постепенном повышении государственной пошлины по ряду категорий дел, легализации гонораров успеха, развитии института возмещения судебных издержек и судебного инвестирования способна существенно повысить эффективность и качество правосудия. Однако некоторые предложения (например, о внедрении в судебную систему «электорального элемента» и введении обязательного требования о наличии у кандидата на судейскую должность опыта работы в нескольких сферах юридической профессии) являются «ложными рецептами» и могут причинить ущерб уровню правовой защищенности граждан.

Ключевые слова: судебная реформа, Верховный Суд Российской Федерации, судоустройство, эффективность правосудия, судейский корпус.

Для цитирования: Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть II) // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 68—89. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.6

* Часть I настоящей статьи опубликована в № 10 за 2018 г. Журнала российского права (с. 134—146).

The Russian Judicial Reform in 2018: Concept, Objectives, Content (Part II)

V. V. MOMOTOV, Supreme Court of the Russian Federation, Moscow 121260, Russian Federation
E-mail: viktormom@mail.ru

The Supreme Court of the Russian Federation initiated a large-scale judicial reform, designed to modernize the existing model of justice in accordance with the new demands of civil society and modern standards of legal development. This reform is a comprehensive system of measures that affect a judicial system, a judicature and a legal status of judges.

The purpose of this study is a theoretical, legal and practical justification for proposals of the highest court on a modernization of procedural and legal institutions. The objectives of the study are to analyze the comparative legal and historical context of the proposed changes, assess the real reasons for preparing amendments to procedural legislation, their content, and the consequences of their implementation.

The research uses systematic, historical legal, comparative legal, formal legal, statistical methods.

According to the results of the study, it was noted that the measures to reform the judicial process fit into the current global trend of rationalization and pragmatization of law. Legal pragmatism in the field of justice presupposes that the main objective of the development of procedural legislation is to ensure the qualitative consideration of disputes within a reasonable time with minimal costs to the parties. From this basic idea, there are proposals to limit the list of cases in which the court is obliged to make a reasoned decision, expand the scope of application of simplified proceedings, introduce a professional judicial representation, increase the use of electronic technologies in litigation (in the form of electronic document management, publication of information on the progress of the case on the Internet, audio protocols of court sessions, automated distribution of cases between judges), consolidation of procedural law the status of assistant judge. It is noted that a number of proposals of the expert community deserve attention and wide discussion. In particular, proposals to gradually increase the state duty on a number of categories of cases, legalization of honorariums of success, development of the institution of cost recovery and judicial investment can significantly improve the efficiency and quality of justice. However, some proposals are “false prescriptions” and can cause damage to the level of legal protection of citizens. In particular, the proposals to introduce the “electoral element” into the judicial system and the introduction of a mandatory requirement that the candidate for judicial office have experience in several areas of the legal profession, as well as the discussion about the alleged “accusatory bias” of the Russian court, do not take into account the realities of Russian law and law enforcement and also “withdraw” the discussion about judicial reform in a false direction.

Keywords: judicial reform, Supreme Court of the Russian Federation, judiciary, effectiveness of justice, judicial community.

For citation: Momotov V. V. The Russian Judicial Reform in 2018: Concept, Objectives, Content (Part II). *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2019, no. 12, pp. 68—89. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.12.6

Повышение эффективности правосудия. Помимо судеустройственной реформы, Верховным Судом Российской Федерации предложена целостная система поправок к процессуальному законодательству, которые позволяют существенным образом повысить эффективность правосудия. Теоретической основой этих предложений выступает так называемый правовой прагматизм, т. е. рациональный подход к праву, согласно которому право должно

быть не набором неких форм и ритуалов, а эффективным и гибким инструментом защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Тем самым происходит смещение акцентов с формальных аспектов права на его содержательные аспекты¹.

¹ См.: Момотов В. В. Справедливость и целесообразность в англо-американской и континентально-европейской правовых системах: постановка проблемы // Российское правосудие. 2017. № 12. С. 16—24.

Причиной развития правового прагматизма стала рационализация правовой мысли, которая двигалась от представлений о праве как о сакральном явлении, обусловленном ритуалистикой и даже неким мистицизмом, к функциональному подходу, согласно которому право — это инструмент в руках общества, необходимый для упорядочения общественных отношений. Учение о праве начиналось с теологических и естественно-правовых направлений правовой мысли, которые отдавали приоритет трансцендентным источникам права: сначала религиозным, а затем естественно-правовым.

Однако впоследствии стало очевидным, что в условиях субъективности любых представлений о справедливости и повышения динамики развития общественных отношений парадигма должна быть изменена и право должно стать гибким и рациональным инструментом, отвечающим меняющимся запросам гражданского общества. Осознание этого объективного факта привело к появлению позитивистского учения, концентрирующегося на правовой норме, а также социологической школы права, фиксирующей на реальном правоотношении².

Конечно, иррациональное начало по-прежнему присутствует в праве. Ряд категорий, которые носят скорее романтический и нравственно-идеологический, а не рациональный характер, до сих пор присутствуют в правовом регулировании и выступают его источниками: прежде всего это категория справедливости и другие морально-нравственные константы. Однако со временем акценты смещаются в сторону прагматических, рациональных начал, и такое сме-

щение становится все более очевидным³.

Рационализация права привела к тому, что одним из наиболее популярных и перспективных правовых подходов стал экономический анализ права, базирующийся на оценке правовых институтов с точки зрения их экономической эффективности. Представители экономико-правовой школы исследуют различные аспекты права и государства, включая правосудие, с точки зрения их способности обеспечить достижение поставленных задач при минимальных экономических издержках, и именно с этих позиций определяют возможные направления совершенствования правового регулирования⁴.

Применительно к судебной деятельности правовой прагматизм выдвигает на первое место вопрос эффективности правосудия. Эффективность — это способность с минимальными издержками достичь поставленной цели. Цель правосудия состоит в правильном разрешении социального конфликта. Поэтому эффективная модель правосудия — это такая модель правосудия, при которой участники спора могут рассчитывать на качественное разрешение этого спора в разумный срок и с минимальными издержками⁵.

Верховным Судом РФ сформулирован ряд предложений, направленных на повышение эффективности правосудия⁶. Прежде всего речь

³ Подробнее см.: *Исаев И. А.* Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006.

⁴ См.: *Момотов В. В.* Экономический анализ права в системе юридической методологии: понятие, сущность, критика // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 5. С. 93—94.

⁵ См.: *Момотов В. В.* Эффективность правосудия в контексте правовой культуры: сравнительно-правовой анализ // Судья. 2017. № 10. С. 4—15.

⁶ См. проект федерального закона № 383208-7 «О внесении изменений в Гражд-

² См.: *Исаев И. А.* Иррациональное в рациональном: приход «современного» права // История государства и права. 2013. № 16. С. 2—9.

идет об ограничении перечня случаев, в которых суд обязан составить мотивированное судебное решение. Для того чтобы понять причины именно такого предложения, необходимо рассмотреть реалии современного правосудия по гражданским делам.

Ежегодно суды рассматривают более 20 млн гражданских и административных дел, при этом свыше 4 млн дел — это дела о взыскании налогов и платежей во внебюджетные фонды, а почти 7 млн дел — о взыскании коммунальных платежей и платы за жилую площадь⁷.

Почти во всех таких делах ответчики не приходят в суд, не возражают против заявленных требований и не проявляют какой-либо процессуальной активности. В результате удовлетворяются около 98% исков, при этом ответчики не обжалуют судебные постановления, принятые не в их пользу. Причина такого поведения сторон состоит в отсутствии реального правового спора между ними. Истцу нужен лишь документ, который станет формальным основанием для взыскания с ответчика задолженности, против наличия которой ответчик не возражает.

Более того, даже если выйти за рамки таких «рутинных» споров, станет очевидным, что в подавляющем большинстве других дел, рассматриваемых судами, либо также отсутствует правовой спор, либо

стороны остаются удовлетворены решением суда первой инстанции. В апелляционном порядке обжалуются не больше 20% от общего числа решений, ежегодно принимаемых российскими судами в первой инстанции, т. е. 80% решений судов первой инстанции никем не обжалуются.

По бесспорным делам составление мотивированного судебного решения приобретает характер бессмысленного ритуала: в 4 из 5 случаев российские судьи составляют мотивированные судебные решения, которые не интересуют ни истца, ни ответчика, у которых нет ни реального спора о праве, ни желания оспорить судебное решение. А это — миллионы ежегодно поступающих в суды дел.

Именно из этих соображений Верховным Судом предложено ограничить перечень случаев, в которых суд обязан составлять мотивированное решение, чтобы освободить судей от необходимости составлять текст, который никто, кроме его автора, так и не прочитает. Освобождая судью от обязанности выполнять эту работу, мы предоставляем ему возможность, во-первых, уделять больше времени и сил тем делам, где между сторонами имеется правовой спор, требующий сложной аналитической и правовой работы; во-вторых, быстрее составить судебный акт и направить его сторонам, в результате чего сократятся сроки рассмотрения дел и быстрее наступит правовая определенность в отношениях сторон. Именно поэтому сегодня мы говорим о деритуализации гражданского процесса.

Верховным Судом было предложено предусмотреть три ситуации, в которых судья обязан составить мотивированное судебное решение. Первая из них — это поступление соответствующей просьбы от участника дела. Эту просьбу не нужно обосновывать, за составление мотивированного решения не нужно выплачивать какие-либо дополнительные

данский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (о реформе процессуального законодательства). URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/383208-7>.

⁷ Здесь и далее: данные судебной статистики приводятся по официальному сайту Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79>).

пошлины. Участнику спора достаточно лишь проявить инициативу, направив суду соответствующую просьбу, и у судьи возникнет безусловная обязанность ее исполнить.

Второе основание составления мотивированного решения — это подача апелляционной жалобы. В этом случае участнику спора необходимо знать мотивы, которыми руководствовался суд первой инстанции, чтобы подготовить доводы апелляционной жалобы.

И, наконец, третье основание связано с рассмотрением судами тех дел, которые обусловлены существенными правовыми последствиями для сторон. Например, в гражданском судопроизводстве это дела о возмещении вреда жизни и здоровью, о правах детей, жилищных и пенсионных правах, об истребовании имущества и т. д., в арбитражном — дела об интеллектуальных правах, о банкротстве, дела по корпоративным спорам и др. Во всех этих случаях решение должно быть мотивированным независимо от наличия либо отсутствия просьбы сторон.

Таким образом, во всех случаях, когда участник спора желает ознакомиться с мотивировкой судебного решения и проявляет соответствующую инициативу, ему будет представлена такая возможность. Это позволит не только повысить качество правосудия, предоставив судье возможность эффективно распределять свое рабочее время в пользу действительно сложных дел, но и реализовать принципы состязательности и диспозитивности. Предлагаемые изменения вытекают из общего положения, согласно которому совершаемые судом процессуальные действия предопределяются инициативой участников спора, а не наоборот.

При этом Верховный Суд, по сути, не предлагает ничего принципиально нового — речь идет лишь о развитии уже существующего регулирования. С апреля 2013 г. мировые судьи обязаны составлять

мотивированное судебное решение только в двух случаях: если от участника дела поступило соответствующее заявление; если по делу, рассмотренному мировым судьей в упрощенном порядке, подана апелляционная жалоба⁸. В остальных случаях мировой судья вправе составить сокращенное решение, содержащее только вводную и резолютивную части. При этом из более 20 млн гражданских и административных дел, ежегодно поступающих в суды, мировые судьи рассматривают примерно 18 млн, или 80%. Это означает, что предлагаемое Верховным Судом составление сокращенных судебных решений уже более шести лет успешно применяется в 80% дел, рассматриваемых судами, а в рамках судебной реформы предполагается лишь развить уже имеющийся позитивный опыт.

Обратим внимание на то, что предложение об ограничении перечня случаев, в которых составляется мотивированное решение, касается только искового производства по гражданским делам и экономическим спорам. Ни к уголовным, ни к административным делам предлагаемые изменения не относятся, поэтому приговоры и решения по спорам граждан с публичной властью во всех случаях будут мотивированными. Дела, вытекающие из публичных правоотношений и рассматриваемые арбитражными судами, также не затрагиваются предлагаемыми изменениями.

Важной составляющей эффективного правосудия является соблюдение разумных сроков судопроизводства. В связи с этим Верховным Судом предложен ряд мер, направленных на сокращение избыточных судебных процедур и реализацию принципа процессуальной экономии.

⁸ Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 20-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В частности, высшей судебной инстанцией предлагается расширить сферу применения упрощенного судопроизводства в гражданском процессе путем повышения пороговой цены исков, рассматриваемых в этом процессуальном порядке. Упрощенное судопроизводство исходит из целесообразности рассмотрения дел по бесспорным требованиям и дел, основанных только на письменных доказательствах, без личной явки сторон в суд. Это позволяет оперативно разрешить спор с минимальными издержками для сторон. В конечном счете от расширения сферы применения упрощенного, или, как его называют в доктрине, письменного, производства выигрывают прежде всего участники судебных споров.

Каждый участник дела, рассматриваемого в упрощенном порядке, вправе направить суду любые объяснения, документы и письменные доказательства — т. е. все те же материалы и сведения, которые могли бы быть представлены и озвучены им в случае личной явки в суд. Если же в процессе необходимо заслушать свидетельские показания, назначить экспертизу или исследовать другие доказательства, то судья переходит к общему порядку рассмотрения дела и вызывает стороны в суд. Тем самым обеспечиваются возможность исследования всех относимых и допустимых доказательств по делу и максимально полная защита прав участников процесса.

Упрощенное производство в гражданском процессе действует уже больше трех лет. Сегодня, обобщая опыт применения правил упрощенного производства, можно однозначно сказать: ни нарушений прав граждан, ни злоупотреблений со стороны судей при рассмотрении гражданских дел в упрощенном порядке не происходит. Мы считаем, что позитивный опыт необходимо развивать и расширять.

Важным механизмом, позволяющим обеспечить разумный срок рассмотрения дела, является «элек-

тронное правосудие». Технологическая модернизация судов, перевод процессуальных документов и судебного делопроизводства в цифровую форму — одно из приоритетных и наиболее перспективных направлений развития судебной власти, которое позволит ответить на самые актуальные запросы гражданского общества.

Важный шаг в этом направлении уже сделан. Так, с 1 января 2017 г. законодательно закреплена возможность направления суду любых документов в электронной форме и составления судебного акта в форме электронного документа⁹. Сегодня все суды обеспечены необходимыми программными средствами для реализации этих возможностей.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» подробно разъяснены порядок и форма направления в суды электронных документов, а также обращено внимание на предельно широкие возможности по использованию информационных технологий в судебной деятельности. В частности, электронный документооборот возможен в том числе в уголовном процессе. Также обращается внимание на возможность направления судебных извещений в электронной форме и даже на возможность заключения в электронной форме мировых соглашений.

Объемы использования электронных документов в сфере правосудия динамично растут. В 2018 г. в суды поступило более 1 млн обращений в электронной форме, что вдвое

⁹ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти».

больше, чем в 2017 г. Новые возможности оказались крайне востребованными: число документов, поступающих в суды в электронном виде, ежеквартально возрастает на 30—40%¹⁰.

Несмотря на активное расширение использования электронных документов в судебной деятельности, электронное правосудие по-прежнему нуждается в серьезном импульсе к развитию. Число таких документов сегодня измеряется сотнями тысяч, а общее число рассмотренных судами дел — десятками миллионов: например, в 2018 г. в суды поступило свыше 30 млн дел.

В связи с этим подготовлены проекты нормативных правовых актов, предусматривающие беспрецедентный шаг на пути развития электронного правосудия. Предлагается переводить в цифровую форму абсолютно все поступающие в суды документы, а также формировать по каждому спору «электронное дело». Эти изменения должны затронуть все процессуальные кодексы и все категории дел. При этом принимается во внимание позитивный опыт арбитражных судов, которые уже несколько лет применяют систему «Мой арбитр» для ознакомления с движением дела и принятыми по нему судебными актами.

В случае реализации предлагаемых изменений каждое дело будет иметь свой «электронный экземпляр», с которым легко работать и участникам спора, и суду.

При этом в полной мере учитывается, что не все наши граждане имеют возможность самостоятельно провести сканирование документов и представить суду их электронные копии. В связи с этим предложено предоставить суду право своими силами изготовить электронные

копии поданных документов, принимая во внимание данные о личности участника спора и любые другие заслуживающие внимания обстоятельства. Все необходимые для этого технические возможности в судах имеются.

Мы убеждены, что данные предложения позволяют существенно повысить доступность правосудия, сделать судопроизводство более современным и эффективным.

Интернет-технологии могут внести вклад в развитие принципа состязательности и диспозитивности процесса. Согласно этим принципам именно стороны должны самостоятельно распоряжаться своими процессуальными правами и принимать все меры, необходимые для отстаивания своей позиции в суде. Участники процесса своими действиями направляют ход процесса и защищают свои права. Это признак зрелого и ответственного гражданского общества.

В этом контексте следует особо отметить инициативу Верховного Суда РФ по модернизации порядка извещения участников споров о времени и месте судебного разбирательства. Высшей судебной инстанцией предложено в качестве приоритетной формы извещения закрепить публикацию информации о движении дела в Интернете. Такой порядок извещения позволяет повысить доступность правосудия, поскольку участникам процесса не нужно будет ждать, когда извещение дойдет до них по почте, тем более что именно почтовые извещения являются наиболее рискованными: отправления нередко доходят с большой задержкой или вовсе не поступают к участникам процесса по техническим причинам, связанным с работой отделений почтовой связи. Иногда судебное извещение поступает накануне судебного заседания, и у участников спора не остается времени для подготовки к процессу и явки в суд. Отслеживание информации о движении дела —

¹⁰ См.: Выступление Председателя Совета судей Российской Федерации В. В. Момотова на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации // Судья. 2018. № 7. С. 12—20.

естественная и необходимая мера, которую сторонам нужно предпринимать для отстаивания своей позиции в суде.

При этом Верховный Суд в полной мере учитывает, что не все граждане имеют возможность пользоваться Интернетом. Именно поэтому сторонам предоставлено право заявить ходатайство о направлении извещений по почте в связи с отсутствием доступа в Интернет. Кроме того, предлагается предусмотреть, что всем участникам процесса в обязательном порядке по почте направляется копия определения суда о принятии иска к производству, где должны быть указаны контактные данные и телефоны суда, с помощью которых в любой момент можно получить информацию о движении дела.

Свой вклад информационные технологии могут внести в повышение стандартов независимости судей. В этой сфере применение электронных технологий возможно путем внедрения автоматизированных систем распределения дел между судьями. Такие системы позволяют формировать судебные составы для рассмотрения конкретных дел с помощью компьютерной программы, которая не просто случайным образом выбирает судей, но учитывает уровень нагрузки каждого судьи и его специализацию. Применение таких технологий во всех российских судах предусмотрено в пакете законопроектов, внесенных в Государственную Думу Президентом РФ и подготовленных при деятельном участии судейского сообщества¹¹.

Автоматизированное распределение дел уже апробировано в судах

некоторых регионов, в частности в судах Московской области, и зарекомендовало себя с позитивной стороны. Расширение практики применения этих систем позволит повысить уровень доверия общества к суду и исключить любые предположения о возможном участии человеческого фактора в формировании судебных составов.

В этом контексте следует обратить внимание на инициативу Верховного Суда РФ по введению обязательного аудиопотоколирования судебных заседаний при производстве по всем категориям дел.

Составление письменного протокола нередко вызывает у сторон вопросы и замечания, поскольку человеческий фактор неизбежно ведет к возникновению в некоторых случаях ошибок и неточностей. В суды поступает огромное количество замечаний в отношении протоколов, связанных с тем, что процессуальная позиция сторон, а также их ходатайства и заявления отражаются в них с искажениями, вводящими в заблуждение вышестоящие судебные инстанции. Аудиопотоколирование позволит, с одной стороны, полностью исключить возможность искажения хода судебного разбирательства при составлении протокола, а с другой — снимет с судей и их аппарата избыточную нагрузку, необходимость которой в условиях современных технологий отсутствует.

Целями обеспечения разумных сроков судопроизводства обусловлены предложения о предоставлении суду права перейти из предварительного судебного слушания в основное. Целью предварительного судебного заседания является подготовка к рассмотрению дела по существу в основном судебном заседании. При этом в настоящее время суды, признав в предварительном судебном заседании дело подготовленным к рассмотрению, лишены формальной возможности перейти к его рассмотрению

¹¹ См. проект федерального закона № 426094-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (об уточнении порядка формирования состава суда, о правовом статусе помощника судьи и об обязательной аудиозаписи судебного заседания). URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/426094-7>.

по существу и вынуждены назначать иную дату основного судебного заседания. В связи с тем, что такая ситуация не имеет рационального обоснования и ведет только к увеличению сроков рассмотрения дел, предлагается предоставить суду право перейти из предварительного судебного заседания в основное при условии, что дело признано подготовленным, а участники спора либо явились в суд, либо извещены надлежащим образом и не заявили возражений против рассмотрения дела в их отсутствие.

Также обратим внимание на инициативу по законодательному закреплению процессуально-правового статуса помощника судьи, наделенного полномочием по подготовке проектов судебных постановлений. Не секрет, что сегодня помощники судей оказывают судьям содействие в подготовке дела к рассмотрению, а также в составлении проектов процессуальных документов. Это позволяет ускорить подготовительный этап, предшествующий судебному разбирательству, а также сократить сроки составления судебного решения и направления его сторонам. При этом речь идет исключительно о содействии судье, а не о передаче помощнику функций по отправлению правосудия. В связи с этим предлагается закрепить в процессуальных кодексах правовой статус и обязанности помощника судьи.

Верховным Судом РФ предложено исключить из гражданского и арбитражного процессуального законодательства такой институт, как договорная подсудность. Этот институт сегодня позволяет сторонам изменить территориальную подсудность спора, т. е., по сути, перенести рассмотрение дела из того суда, где оно должно быть рассмотрено согласно процессуальному закону, в другой суд, который стороны указали в договоре.

Вместе с тем в России сформировано единое правовое пространство,

а суды в соответствии с принципом правовой определенности единообразно толкуют и применяют закон. При таких обстоятельствах перенос дела из одного суда в другой в настоящее время не имеет каких-либо рациональных оснований, поскольку не влияет на исход дела. Изменение подсудности спора нередко становится коррупциогенным фактором, а также создает избыточную судебную нагрузку в крупных судах. Полагаем, что пришло время отказаться от института договорной подсудности, сделав исключение только для споров с участием иностранных лиц, поскольку в таких спорах нередко именно договорная подсудность становится единственно возможным способом определить конкретный суд, в котором должно быть рассмотрено дело.

Отказ от института договорной подсудности не приведет к ущемлению процессуальных прав лиц, нуждающихся в дополнительной правовой защите. Для таких лиц в процессуальном законодательстве предусмотрен институт подсудности по выбору истца, который позволяет гражданину как слабому участнику правоотношений самостоятельно выбрать суд, наиболее удобный с точки зрения доступности правосудия. В частности, в спорах о защите прав потребителей, пенсионных, жилищных, трудовых и иных наиболее социально значимых правах гражданин-истец вправе предъявить иск в суд по месту своего жительства.

Важным условием эффективной судебной защиты выступает получение участниками судебного спора квалифицированной юридической помощи. Вне всякого сомнения, судебная защита оказывается на равных основаниях всем гражданам и организациям независимо от того, пользуются они помощью юриста или профессионального представителя. Вместе с тем объективным фактом является постоянное усложнение правовой материи, связанное с

динамичным развитием общественных отношений. Появляются новые общественные отношения, а существующие отношения претерпевают серьезные трансформации. Поскольку право является основным регулятором общественных отношений, законодатель стремится создать правовое регулирование, охватывающее все новые общественные отношения и учитывающее их меняющуюся специфику.

В связи с этим количество правовых норм возрастает практически ежедневно, а структура, содержание и взаимосвязи между правовыми предписаниями постоянно усложняются. Одновременно с этим неизбежно возникают пробелы в праве, которые до появления соответствующего регулирования восполняются правоприменителем при помощи специальных приемов юридической техники (применение аналогии закона и права, системное толкование правовых норм и т. д.).

В результате развивается тенденция «профессионализации права». Право все в большей степени становится предметом, анализ которого требует профессионального владения специальными навыками толкования и применения закона. Особенно ярко эта тенденция проявляется в сфере правосудия, поскольку обсуждавшийся выше принцип состязательности сторон предполагает, что именно стороны должны максимально четко сформулировать правовое обоснование своих требований и возражений со ссылками на подлежащие применению правовые нормы¹².

В связи с этим все большую актуальность приобретает конституционное право граждан на получение именно квалифицированной юри-

дической помощи. В современных условиях это право приобретает характер принципа судопроизводства, без которого правовая защищенность сторон была бы ослаблена.

Поэтому в последние годы складывается глобальная тенденция по профессионализации судебного представительства. Практически все развитые правовые порядки движутся к введению профессионального представительства в той или иной форме, будь то адвокатская монополия, получение лицензии на представительство в суде или аккредитация судебных представителей¹³.

Верховный Суд РФ полагает, что в отечественном правовом порядке также назрела необходимость поступательного введения профессионального судебного представительства в целях реализации принципа обеспечения квалифицированной юридической помощи. Сегодня огромное количество наших граждан оказываются жертвами недобросовестных юристов, которые гарантируют победу в суде и при этом не имеют даже минимальной профессиональной квалификации, не могут совершить простейшие процессуальные действия. Такие лица наносят огромный ущерб правовому порядку. Цена их действий — не только проигранный судебный спор, но и утрата доверия к суду, поскольку подобные «представители» формируют в обществе негативное отношение к судопроизводству, возлагая на судей всю ответственность за нежелательный исход дела. При этом возместить ущерб, нанесенный гражданам такими действиями, практически невозможно, поскольку некачественность правовых услуг крайне сложно доказать.

¹² См.: Момотов В. В. Принципы справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правовых порядков // Российское правосудие. 2018. № 1. С. 35—48.

¹³ Подробнее см.: Момотов В. В. Рынок судебного представительства: из опыта континентальной и англосаксонской правовой традиции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4. С. 43—47.

Введение профессионального представительства в суде должно стать условием повышения уровня правовой защищенности граждан. Профессиональный юрист ведет диалог с судьей на одном процессуальном языке, владеет юридической терминологией и способен максимально четко и грамотно сформулировать правовую позицию по делу. Расходы на услуги профессионального представителя возмещаются путем их взыскания с проигравшей стороны, в отличие от убытков, которые возникают вследствие непрофессиональных действий судебных представителей и, как уже было отмечено, являются практически невосполнимыми.

При этом на первом этапе предлагается избрать наиболее мягкий механизм профессионализации представительства — введение требования об обязательном наличии у судебного представителя высшего юридического образования. Это особенно важно применительно к кассационному судопроизводству: суд кассационной инстанции — это «суд права», а не «суд факта», поскольку на этой стадии процесса обсуждаются исключительно вопросы применения и толкования правовых норм, а не установления фактических обстоятельств дела.

Требование об обязательном наличии у судебного представителя высшего юридического образования уже три года применяется в административном судопроизводстве. Это требование на практике зарекомендовало себя с положительной стороны и не привело к ограничению доступности правосудия — напротив, мы можем констатировать, что профессионализация представительства в административном судопроизводстве привела к повышению качества судебных актов.

Полагаем, что обязательное высшее юридическое образование — это лишь первый шаг на пути профес-

сионализации судебного представительства. В перспективе судебные представители должны сформировать единую профессиональную корпорацию, которая будет иметь возможность привлекать их к дисциплинарной ответственности за нарушение этических норм и за иные недобросовестные действия, нарушающие права граждан и публичные интересы.

Принцип обеспечения квалифицированной юридической помощи также нашел свое развитие в законодательных инициативах Верховного Суда, связанных с совершенствованием примирительных процедур. В частности, высшей судебной инстанцией предложено ввести в гражданское, арбитражное и административное судопроизводство новую процедуру — судебное примирение, к которому стороны могут прибегнуть на любой стадии процесса. Отличительная черта данной процедуры состоит в том, что она реализуется при посредничестве судебного примирителя, в качестве которого могут выступать судья в отставке или сотрудник аппарата суда, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы в области юриспруденции не менее пяти лет. Такие высокие требования к профессионализму судебного примирителя позволяют сделать примирительные процедуры не декларативным, а реальным и эффективным механизмом урегулирования спора.

При этом инициатива Верховного Суда предполагает возможность установления гибкой системы оплаты работы судебного примирителя — в частности, расходы на оплату этой работы могут быть компенсированы из сумм, уплаченных в счет государственной пошлины, либо из средств специального фонда. Тем самым обеспечивается получение участниками спора квалифицированной юридической помощи без каких-либо дополнительных издержек.

Перспективы совершенствования правосудия: предмет для обсуждения. В ходе экспертных и общественных обсуждений судебной реформы высказывается ряд предложений, которые представляют значительный интерес. Эти предложения требуют дальнейшего осмысления и проработки. Нельзя исключать, что в обозримом будущем они будут оформлены субъектами права законодательной инициативы в виде конкретных законопроектов.

В частности, активно обсуждается вопрос об установлении оптимального размера государственной пошлины¹⁴.

Отметим, что с каждым годом растут затраты государства на работу судебной системы. Рост этих затрат объективно обусловлен и неизбежен: оплату труда судей и сотрудников аппаратов судов необходимо индексировать с учетом инфляции, рост цен предопределяет удорожание ремонтных работ в зданиях судов, оборудования и т. д.

В доктрине выработан такой показатель, как «стоимость одного судодня», позволяющий оценить, в какую сумму государству обходится один день работы судьи, с учетом расходов не только на оплату труда судьи, но и на судебный аппарат, на эксплуатацию необходимых помещений и т. д. Если в 2014 г. стоимость одного судодня составляла около 20 тыс. руб., то в 2015 г. эта стоимость выросла почти до 22 тыс. руб., в 2016 г. — до 24 тыс. руб., а в настоящее время она составляет около 25 тыс. руб.

При этом российская судебная система находится в условиях устойчивого ежегодного роста на 8—10% служебной нагрузки судей. В других правовых порядках, относящихся к континентальной и англо-американской

системам, нет ни одного примера такого интенсивного роста судебной нагрузки.

Таким образом, российские суды существуют в условиях постоянного роста судебной нагрузки и расходов на финансирование судов. Логично предположить, что целесообразным шагом в такой ситуации станет соразмерное повышение государственной пошлины, позволяющее улучшить финансирование судебной системы и «отсечь» массив очевидно надуманных исков. Вместе с тем государственная пошлина до сих пор не повышена, а ее существующий размер свидетельствует о ее экономической неэффективности. Это утверждение легко подтверждается конкретными цифрами.

Общий размер денежных сумм, которые взыскиваются российскими судами, составляет примерно 3 трлн руб. В данном случае учитываются только споры о взыскании денежных сумм, а огромное количество других споров (об истребовании имущества, о признании права собственности и другие категории споров) не принимается в расчет. Размер государственных пошлин, уплаченных участниками всех судебных споров, составляет около 30 млрд руб., т. е. менее 1% от всех взысканных судами денежных сумм. При этом 90% от всех денежных сумм присуждаются не рядовым гражданам, а организациям и индивидуальным предпринимателям, т. е. профессиональным участникам экономических отношений, которые способны уплатить адекватную государственную пошлину.

Можно привести еще один яркий пример. Стоимость одного судодня составляет примерно 25 тыс. руб. Ежедневно российские судьи рассматривают в среднем по три дела. То есть адекватный размер государственной пошлины, позволяющей обеспечить расходы государства на разрешение частноправовых споров, составляет около 8 тыс. руб. Между тем размер реально уплачиваемой

¹⁴ Подробнее см.: *Момотов В. В.* Экономика правосудия: о благе государства и пользе частного лица // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 5—17.

истцами госпошлины сегодня составляет в среднем лишь 900 руб., т. е. почти в 10 раз ниже уровня, необходимого для адекватного финансирования работы суда.

Что касается государственной пошлины, уплачиваемой при подаче апелляционных и кассационных жалоб, то ее размер и вовсе не поддается какому-либо рациональному объяснению. Средней размер государственной пошлины, выплаченной при подаче апелляционной жалобы, составляет мизерные 327 руб. Возникает вопрос: в связи с чем апелляционное правосудие оказывается практически бесплатным для заявителя, если оно предполагает, по сути, повторное рассмотрение дела как с точки зрения фактических обстоятельств, так и с правовой точки зрения?

При подаче кассационных жалоб в суды общей юрисдикции заявители в среднем выплачивают по 297 руб. Подобная ситуация не имеет разумного обоснования с учетом того, что в некоторых случаях дела, переданные на рассмотрение суда кассационной инстанции, являются крайне сложными и вытекают из крупных хозяйственных споров, в рамках которых цена иска исчисляется десятками, а порой — сотнями миллионов долларов США. Фактическое отсутствие какой-либо компенсации государственных расходов на рассмотрение таких дел ставит государство в двусмысленное положение: правосудие оказывается своего рода «бесплатным инструментом» для решения частных экономических вопросов. При наличии такого «дешевого» (можно даже сказать, бесплатного) механизма разрешения хозяйственных конфликтов у их участников исчезают стимулы к мирному урегулированию спора — проще «взвалить» свою частную проблему на суд, чтобы он за счет бюджетных средств эффективно эту проблему решил.

Все это однозначно свидетельствует о том, что с рациональной и

прагматической точек зрения необходимость постепенного повышения государственной пошлины давно назрела. При этом совершенно не обязательно в кратчайшие сроки повышать ее до уровня, позволяющего в полной мере профинансировать бюджетные затраты на работу судов: повышение государственной пошлины должно быть плавным и постепенным, а также сопровождаться рядом мер, позволяющих оптимизировать систему финансирования судебных расходов. В первую очередь следует сохранить, а при необходимости расширить льготы и возможности рассрочки уплаты государственной пошлины для экономически слабых субъектов.

Кроме того, целесообразно рассмотреть возможность модернизации существующего порядка оплаты услуг судебных представителей. Особую актуальность этот вопрос приобретает в контексте введения профессионального судебного представительства. Необходимо сформировать развитый рынок судебного представительства, который составит достойную конкуренцию другим правовым порядкам, где подобные рынки давно сформировались¹⁵.

Следует развивать разного рода альтернативные механизмы финансирования юридической помощи, в частности — институт так называемого судебного инвестирования, получивший широкое распространение в других правовых порядках и постепенно приживающийся в нашей стране.

Давно назрел вопрос легализации «гонорара успеха», что разрешено и широко применяется не только в США, но и в странах континентальной Европы. Это неслучайно, ведь институт гонорара успеха создает условия для повышения правовой защищенности граждан и органи-

¹⁵ См.: Момотов В. В. Рынок судебного представительства: из опыта континентальной и англосаксонской правовой традиции. С. 43—47.

заций. Во-первых, благодаря гонорарам успеха возможность прибегнуть к эффективной судебной защите приобретают те лица, которые в отсутствие гонорара успеха вовсе не могли позволить себе квалифицированную правовую помощь, и, во-вторых, введение гонорара успеха стимулирует адвокатов к отказу от отстаивания очевидно бесперспективных и надуманных позиций, поскольку риск поражения переносится от клиента к адвокату¹⁶.

Необходимо обратить внимание на существенные изменения в регулировании гражданско-правовых отношений, которые произошли после фактического запрета гонораров успеха Конституционным Судом в 2007 г.¹⁷ В ходе реформы гражданского законодательства в качестве одного из основополагающих гражданско-правовых принципов был закреплен принцип добросовестности участников гражданских правоотношений, а также предусмотрена презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений, в соответствии с которой их добросовестность и разумность предполагаются¹⁸.

В обоснование вывода о недопустимости гонорара успеха Конституционный Суд РФ ссылаясь на изначально недобросовестность сторон, согласовавших условие о гонораре успеха. Принцип добросовестности, а также презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений не были и не могли

быть учтены Конституционным Судом РФ, поскольку еще не были нормативно закреплены.

В ходе реформы гражданского законодательства произошло еще одно важное изменение: Гражданский кодекс РФ был дополнен положениями, регулирующими обусловленное исполнение обязательства. Согласно этим положениям исполнение обязательств может быть обусловлено наступлением тех или иных обстоятельств, предусмотренных договором. При этом перечень таких обстоятельств никак не ограничивается. Эти законодательные изменения, которые произошли после принятия постановления Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П, создали юридические предпосылки для возврата к обсуждению вопроса о правомерности гонорара успеха.

Еще один важный вопрос, который необходимо затронуть в контексте экономической эффективности правосудия, касается взыскания судебных расходов. Институт судебных расходов выполняет две основные функции. Первая из них носит компенсационный характер и связана с тем, что судебные расходы по своей правовой природе близки к убыткам, которые гражданин или организация вынуждены понести в связи с нарушением их права.

Вторая функция судебных издержек носит, условно говоря, дисциплинирующий характер. Обязанность возместить стороне, выигравшей судебный спор, понесенные издержки стимулирует потенциальных ответчиков к добровольному и добросовестному исполнению своих обязательств, не доводя ситуацию до стадии судебного спора, а потенциальных истцов — к использованию всех возможностей по досудебному урегулированию спора и реализации права на судебную защиту только как исключительной крайней меры, а также к отказу от предъявления очевидно надуманных и бес-

¹⁶ См.: Момотов В. В. Принципы справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правовых порядков // Российское правосудие. 2018. № 1. С. 47—49.

¹⁷ См. постановление КС РФ от 23 января 2007 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 779 и п. 1 ст. 781 ГК РФ.

¹⁸ См. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

перспективных требований. Судебные издержки способствуют ответственному отношению к правосудию.

К сожалению, в последние годы наблюдается тенденция существенного уменьшения судами сумм расходов на представителя, заявленных сторонами. При этом нередко суды не указывают какие-либо конкретные основания для признания судебных расходов неразумными и ограничиваются лишь формальной ссылкой на то, что требования разумности должны соблюдаться при взыскании судебных расходов.

Практика неограниченного снижения расходов на представителя приводит к тому, что институт судебных расходов перестает выполнять свои функции. Полагаем, что адекватным решением проблемы станет реальное возложение на проигравшую сторону бремени доказывания неразумности судебных расходов, понесенных выигравшей стороной, и четкое следование разъяснениям Пленума ВС РФ, в которых названы конкретные критерии разумности судебных расходов.

«Ложные рецепты» реформирования судебной системы: мифы и их опровержение. Помимо весьма интересных и конструктивных предложений экспертного сообщества, часть из которых рассмотрены выше, из года в год от ряда коллег звучат предложения, которые можно назвать ложными рецептами реформирования судебной системы. Они не только никак не повлияют на уровень независимости судей, качества и эффективности правосудия, а, наоборот, нанесут им серьезный урон.

К числу таких рецептов относится, например, введение *избираемости судей*.

Выдвигаются две группы предложений о внедрении в судебную систему «электорального элемента». Первая из них состоит в необходи-

мости избрания судей населением. Сторонники этой идеи, как правило, ссылаются на некий «позитивный западный опыт». Для адекватной оценки таких предложений необходимо объективно рассмотреть существующие сегодня модели формирования судейского корпуса. В европейских правовых порядках действует назначаемость, а не избираемость судей. Судьи избираются только в США, и связано это с тем, что США, как и Россия, — это федеративное государство, в котором существуют как федеральные суды, так и суды субъектов федерации. Федеральные судьи и в США, и в других правовых порядках не избираются, а назначаются¹⁹.

Причина такого законодательного решения состоит в том, что федеральный судья должен быть независим от политических факторов, он должен быть максимально удален от любых проявлений публичной политики. Кроме того, важнейшей основой судебной власти, закрепленной и в нашей Конституции, и в ряде международно-правовых актов, является принцип несменяемости судей.

В свою очередь, судьи субъектов Федерации в федеративных государствах действительно избираются. Как ни странно, избираются они и в Российской Федерации. В отечественном правовом порядке судьями субъектов Федерации являются мировые судьи, которые избираются региональными законодательными органами. При этом Федеральным законом от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» установлено, что законом субъекта Федерации может быть предусмотрено избрание мировых судей непосредственно населением. Таким образом, все мировые судьи в нашей стране избираются населением либо непо-

¹⁹ См.: Caplan L. The problem with judicial elections. National Constitution Center. URL: <https://constitutioncenter.org/blog/the-problem-with-judicial-elections/>.

средственно, либо опосредованно через региональный законодательный орган. При этом выбор одной из этих моделей избираемости мировых судей является прерогативой субъектов РФ, а не федеральных органов власти.

Для сравнения обратим внимание на то, что даже в США как в стране с демократичной судебной системой избираемость судей действует только в 23 штатах из 50, и это не случайно. В американской литературе — и научной, и публицистической — достаточно красноречиво описывается «теневая сторона» избираемости судей²⁰. Она связана с тем, что победа судьи на выборах обусловлена прежде всего эффективным финансированием его предвыборной кампании. В результате судья попадает в зависимость от тех лиц, которые делают взносы в его предвыборные фонды, и принимает на себя некие обязательства перед этими лицами, не всегда вписывающиеся в рамки закона.

Вторая группа предложений — это введение *избираемости председателей судов*, которые, по мнению ряда экспертов, должны избираться судейскими коллективами. Представляется, что такие изменения не только не поспособствуют укреплению независимости судей, но и нанесут ей существенный урон.

При назначении на должность председателя суда необходимо привлечь «взгляд со стороны» и оценить объективные показатели работы кандидата, а не руководствоваться субъективными симпатиями или антипатиями, а также историей личных взаимоотношений с ним. В то же время система избрания председателей судов приведет к доминированию именно субъективного фактора.

Председатель суда своей основной целью должен видеть обеспечение законности и эффективности в деятельности возглавляемого им суда, а не привлечение на свою сторону судей для последующего переизбрания. Любая избирательная система порождает возникновение неформальных отношений и обязательств между «избирателями» и «избираемым», появление рычагов политического воздействия. Привнесение таких элементов в сферу правосудия недопустимо и вредно: судья, в том числе назначенный председателем суда, должен подчиняться только закону, а не стремлению переизбраться на должность. Не случайно система избираемости председателей судов не получила широкого распространения в других государствах.

Еще одно предложение, которое высказывается некоторыми экспертами и, на наш взгляд, не позволяет решить поставленных задач, состоит во введении обязательного требования о наличии у кандидата на судейскую должность *опыта работы в нескольких сферах юридической профессии*. Некоторые эксперты, ссылаясь на «профессиональную деформацию» сотрудников судебного аппарата, претендующих на судейские должности, предлагают чуть ли не объявить «призыв адвокатов в судьи». Подобного рода идеи со всей очевидностью можно назвать популистскими.

Уровень профессионализма и правовой культуры не определяется тем, в какой сфере работает человек: в любой юридической профессии есть как высококлассные профессионалы, так и люди сомнительной квалификации, которых нельзя допускать к судейской работе. Профессиональная деформация также свойственна всем видам деятельности, и никто из сторонников выдвигаемого предложения по-прежнему не обосновал, в связи с чем, например, у сотрудника судебного аппарата происходит профессиональная

²⁰ См., например: Lexington. The trouble with electing judges // The Economist. 2014. 23 Aug. URL: <https://www.economist.com/united-states/2014/08/23/the-trouble-with-electing-judges>.

деформация, а у работника юридической фирмы или коллегии адвокатов такой деформации не происходит. В связи с этим судебское сообщество готово обсуждать инициативы по повышению квалификации и качества судебных кадров, но призывает к тому, чтобы эти обсуждения проходили без необоснованного присвоения «ярлыков» тем или иным представителям юридической профессии.

Довольно часто в средствах массовой информации поднимается вопрос о так называемом *обвинительном уклоне правосудия* и указывается, что судебная реформа должна быть направлена именно на устранение этого уклона. В качестве единственного подтверждения такого уклона приводится якобы низкий процент оправдательных приговоров, выносимых российскими судами.

Отметим, что подход к оценке работы судов исходя из процентных показателей представляется концептуально неприемлемым. Такие подходы напоминают выполнение плановых показателей в советской экономике: выполнил ли суд план по оправдательным приговорам? Подобная логика рассуждений неприемлема. Каждое дело должно оцениваться в отдельности, при этом необходимо с должным уважением относиться к вступившему в законную силу судебному акту.

Кроме того, рассуждения об обвинительном уклоне российского правосудия основаны прежде всего на сопоставлении доли оправдательных приговоров в российских судах с долей таких приговоров в других правовых системах, прежде всего в США. Такое механистическое сопоставление не учитывает серьезные отличия в процессуальном праве наших государств и в процедурах рассмотрения уголовных дел, их возбуждения и прекращения²¹.

Концептуальную неприемлемость оценки правосудия на основе процентных показателей иллюстрирует, в частности, то, что доля оправдательных приговоров в РСФСР в 1937 г. составляла 10,3%²², в то время как доля оправдательных приговоров в современных канадских судах составляет 3%, а, например, в бельгийских судах — 0,3%²³. Если применить к этим показателям логику экспертов, ссылающихся на обвинительный уклон российского правосудия, то получится, что советские суды в 1937 г. были более гуманны, чем современные суды Канады и Бельгии. Разумеется, такие рассуждения не имеют ничего общего с действительностью, поскольку процессуальная особенность советского уголовного правосудия 1930-х гг. состояла в том, что так называемые особые совещания были формально выведены из состава судебной системы и не являлись судебными органами.

При этом, оценивая работу российской уголовной юстиции исключительно с точки зрения статистики, необходимо учитывать как минимум два важных обстоятельства. Во-первых, российское уголовно-процессуальное право предусматривает особый порядок рассмотрения уголовных дел, который может быть применен по ходатайству обвиняемого или в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. В этих случаях обвиняемый признает свою вину, а доказательства по делу судом не исследуются. Вполне естественно, что суд, лишенный возможности исследовать и оценить доказательства по делу, не имеет каких-либо оснований к

сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., 2006.

²² См.: Кожевников М. В. История советского суда / под ред. И. Т. Голякова. М., 1948. С. 306.

²³ URL: <http://www.nationmaster.com/country-info/stats/Crime/Acquitted>.

²¹ Подробнее см.: Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России:

вынесению оправдательного приговора. При этом в особом порядке сейчас рассматривается подавляющее большинство уголовных дел: например, в 2018 г. в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением рассмотрено 560 тыс. дел (это 69% от общего объема) в отношении 570 тыс. лиц. В ситуации, когда суды в двух из трех случаев не имеют возможности оправдать подсудимого, вполне объяснимо, что общая доля оправдательных приговоров будет низкой.

Во-вторых, помимо вынесения оправдательного приговора российскому уголовному процессу известны институты прекращения уголовного дела и возвращения дела прокурору для устранения недостатков. В частности, в 2018 г. из 865 тыс. подсудимых судами прекращены уголовные дела в отношении 172 тыс. лиц, а в отношении 9 тыс. лиц дела возвращены прокурору.

Учет этих обстоятельств позволяет получить объективную картину, свидетельствующую о том, что обвинительный уклон российского правосудия как минимум крайне преувеличен.

Рассуждения об обвинительном уклоне российского правосудия выглядят особенно странно с учетом того, что в Российской Федерации именно судебная система выступает основным инициатором и движущей силой гуманизации уголовного законодательства и судопроизводства.

В частности, Пленумом ВС РФ приняты важные разъяснения, касающиеся применения в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Еще 19 декабря 2013 г. Пленум ВС РФ принял постановление № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», в котором обратил внимание нижестоящих судов на то,

что ограничения прав и свобод могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей.

Верховный Суд РФ указал в данном постановлении, что при рассмотрении вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока ее действия суд обязан в каждом случае обсуждать возможность применения в отношении лица иной, более мягкой, меры пресечения вне зависимости от наличия ходатайства об этом сторон, а также от стадии производства по уголовному делу. В постановлении четко определен перечень оснований, при наличии которых может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, а также обстоятельств, подлежащих учету при избрании меры пресечения.

В мае 2016 г. в указанное постановление были внесены изменения, направленные на более полное раскрытие критерия справедливости при избрании меры пресечения²⁴. В частности, в новой редакции постановления указывается, что для вывода об обоснованности подозрения лица в совершении преступления недостаточно констатировать, что это лицо могло совершить преступление — необходимо установить наличие конкретных данных о том, что соответствующее лицо причастно к совершенному преступлению. При этом одной лишь формальной ссылки суда на наличие таких данных недостаточно: суд в каждом случае обязан проверить, содержатся ли такие данные в ходатайстве о применении меры пресечения

²⁴ См. постановление Пленума ВС РФ от 24 мая 2016 г. № 23 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам».

и прилагаемых к нему материалах, и дать оценку этим данным в решении. Неисполнение этой обязанности влечет отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Осознавая высокое значение судов в исключении возможности использования уголовного преследования для давления на предпринимательские структуры и решения споров хозяйствующих субъектов, Пленум ВС РФ 15 ноября 2016 г. принял постановление № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». Судам рекомендовано в том числе обращать особое внимание на действия и мероприятия, связанные с ограничением имущественных и иных прав и свобод предпринимателей и лиц, состоящих с ними в трудовых отношениях, и строго соблюдать запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей. Кроме того, высшая судебная инстанция обратила внимание нижестоящих судов на то, что в целях отграничения мошеннических действий от преднамеренного неисполнения договорных обязательств необходимо устанавливать наличие у лица прямого умысла на совершение мошенничества, о чем с очевидностью должны свидетельствовать имеющиеся по делу доказательства.

Меры по гуманизации уголовного судопроизводства приносят результат.

В частности, в 2000 г. в местах лишения свободы содержались около 1 млн человек, а в 2018 г. — 563 тыс. человек. В общем порядке в 2018 г. было рассмотрено 250 тыс. уголовных дел, при этом только 70% подсудимых были осуждены. Остальные подсудимые по различным основаниям были освобождены от уголовной ответственности. Каждый пятый предприниматель, в отноше-

нии которого было возбуждено уголовное дело, освобожден судом от ответственности. В 2018 г. рассмотрены дела в отношении 1,7 тыс. лиц, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности, из них осуждены 1,3 тыс. лиц, а в отношении 400 лиц дела прекращены судом. Лишение свободы назначено только 15% осужденных за преступления этой категории.

Высшая судебная инстанция последовательно придерживается позиции, согласно которой справедливым является то наказание, которое позволит достичь цели исправления преступника и предотвратить совершение им преступлений в будущем.

В связи с этим высшей судебной инстанцией активно ведется работа, направленная на декриминализацию деяний, представляющих наименьшую общественную опасность. В частности, по инициативе Верховного Суда РФ принят Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», предусматривающий декриминализацию ряда преступлений небольшой тяжести, а также устанавливающий возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в отношении лица, которое совершило преступление небольшой или средней тяжести и возместило ущерб либо загладило вред иным образом.

Вместе с тем Верховный Суд РФ полагает, что меры по декриминализации должны быть продолжены. Среди преступлений небольшой тяжести, предусмотренных действующей редакцией Уголовного кодекса РФ, выделяются 80 составов преступлений, которые представляют наименьшую общественную

опасность: за их совершение уголовным законом не предусмотрена возможность лишения свободы.

Ежегодно за совершение такого рода деяний к уголовной ответственности привлекаются более 40 тыс. человек. По сути, речь идет об «оступившихся» людях, которые впервые совершили преступление наименьшей тяжести и в большинстве случаев какой-либо опасности для общества не представляют. Факт реагирования государства на совершенное ими деяние уже является для них достаточным уроком.

Вместе с тем сегодня на таких людей «обрушивается» правоохранительная система, после чего они вынуждены находиться в статусе судимых лиц. Этот статус оказывается препятствием при трудоустройстве, при взаимодействии с кредитными и иными финансовыми организациями, при попытке выехать за пределы Российской Федерации и т. д. Подобное положение дел не отвечает принципам справедливости и соразмерности. Применение уголовно-правовых мер к лицам, впервые совершившим преступление небольшой тяжести, создает обратный эффект, поскольку ведет не к социализации, а, напротив, к социальной изоляции, появлению чувства несправедливости, агрессии в отношении общества и государства.

В связи с этим Верховным Судом подготовлен проект федерального закона, предусматривающий введение в российское уголовное законодательство понятия уголовного проступка²⁵. В качестве такого проступка предлагается квалифицировать впервые совершенные и

наименее тяжкие деяния, за которые не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. При совершении такого деяния предлагается не привлекать правонарушителя к уголовной ответственности и не присваивать ему статус судимого лица: к нему применяется только мера воздействия в виде судебного штрафа, исправительных или обязательных работ. Если такая мера не окажет должного воздействия на нарушителя и уголовный закон будет им нарушен повторно, то новое деяние в любом случае будет квалифицировано в качестве преступления со всеми вытекающими последствиями.

Заключение. Сегодня общемировой тенденцией является снижение доверия к суду. Например, по данным известного американского социологического института Гэллуп, уровень доверия к суду, который с 1970-х гг. колебался в пределах 40—50%, с 2006 г. постепенно снижается и по состоянию на 2017 г. составляет 25—30%. Аналогичные процессы наблюдаются в Европе²⁶.

В подобной ситуации российское судейское сообщество полагает, что повышение доверия к суду — важнейшая задача и серьезный вызов. Поэтому именно судебная система выступила инициатором масштабной судебной реформы, которая станет важной вехой российской истории.

В долгосрочной перспективе судебная реформа окажет колоссальное влияние на развитие российской государственности, а также экономической, политической и даже культурной жизни общества.

Сильный суд — это залог стабильности и устойчивости государства, мирного разрешения любых социальных конфликтов. Кроме того, современный и эффективный

²⁵ См. постановление Пленума ВС РФ от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”».

²⁶ Результаты социологических опросов размещены на официальном сайте института Gallup: URL: <https://news.gallup.com/poll/171992/americans-losing-confidence-branches-gov.aspx>.

суд — драйвер экономического развития и инвестиционного климата, поскольку именно правосудие сегодня является главным способом защиты собственности и бизнес-активов. Суверенное государство должно стремиться к тому, чтобы предприниматели передавали свои споры на рассмотрение национальных, а не иностранных судов. Нако-

нец, идеалы правосудия — это культурная, цивилизационная ценность, присущая зрелому обществу.

Мы убеждены, что последовательная реализация инициатив Верховного Суда РФ будет способствовать прорыву во всех сферах общества и позволит ответить на вызовы современности.

Библиографический список

- Caplan L. The problem with judicial elections. National Constitution Center. URL: <https://constitutioncenter.org/blog/the-problem-with-judicial-elections/>.
- Lexington. The trouble with electing judges // *The Economist*. 2014. 23 Aug. URL: <https://www.economist.com/united-states/2014/08/23/the-trouble-with-electing-judges>.
- Выступление Председателя Совета судей Российской Федерации В. В. Момотова на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации // *Судья*. 2018. № 7.
- Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006.
- Исаев И. А. Иррациональное в рациональном: приход «современного» права // *История государства и права*. 2013. № 16.
- Кожевников М. В. История советского суда / под ред. И. Т. Голякова. М., 1948.
- Момотов В. В. Принципы справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правопорядков // *Российское правосудие*. 2018. № 1.
- Момотов В. В. Рынок судебного представительства: из опыта континентальной и англосаксонской правовой традиции // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2017. № 4.
- Момотов В. В. Справедливость и целесообразность в англо-американской и континентально-европейской правовых системах: постановка проблемы // *Российское правосудие*. 2017. № 12.
- Момотов В. В. Экономика правосудия: о благе государства и пользе частного лица // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2017. № 3.
- Момотов В. В. Экономический анализ права в системе юридической методологии: понятие, сущность, критика // *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. 2017. № 5.
- Момотов В. В. Эффективность правосудия в контексте правовой культуры: сравнительно-правовой анализ // *Судья*. 2017. № 10.
- Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., 2006.

References

- Caplan L. The problem with judicial elections. National Constitution Center. Available at: <https://constitutioncenter.org/blog/the-problem-with-judicial-elections/>.
- Isaev I. A. Irrational in rational: arrival of «contemporary» law. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2013, no. 16, pp. 2—9. (In Russ.)
- Isaev I. A. Power and law in the context of irrational. Moscow, 2006. 478 p. (In Russ.)
- Kozhevnikov M. V. The History of Soviet Justice. Ed. by I. T. Golyakov. Moscow, 1948. 376 p. (In Russ.)
- Lexington. The trouble with electing judges. *The Economist*, 2014. 23 Aug. Available at: <https://www.economist.com/united-states/2014/08/23/the-trouble-with-electing-judges>.
- Momotov V. V. Economic analysis of law in the system of legal methodology: concept, essence, criticism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, 2017, no. 5, pp. 93—94. (In Russ.)
- Momotov V. V. Economics of Justice: The State Weal and the Benefits of a Private Person. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal*

of *Foreign Legislation and Comparative Law*, 2017, no. 3, pp. 5—17 (In Russ.) DOI: 10.12737/article_593fc3438b36c6.70253943

Momotov V. V. Market of Judicial Representation: From the Experience of the Continental and Anglo-Saxon Legal Traditions. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2017, no. 4, pp. 43—51 (In Russ.) DOI: 10.12737/article_598063fa89c7a0.77902602

Momotov V. V. The effectiveness of justice in the context of legal culture: comparative legal analysis. *Sud'ya*, 2017, no. 10, pp. 4—15. (In Russ.)

Momotov V. V. The principles of justice and expediency in the institutions of the Anglo-American and continental European law. *Rossiyskoe pravosudie*, 2018, no. 1, pp. 35—48. (In Russ.)

Momotov V. V. The principles of justice and expediency in the institutions of the Anglo-American and continental European law: stating the issue. *Rossiyskoe pravosudie*, 2017, no. 12, pp. 16—24. (In Russ.)

Stoyko N. G. The criminal process of Western states and Russia: a comparative theoretical and legal study of the Anglo-American and Romano-German legal systems. St. Petersburg, 2006. 264 p. (In Russ.)

The Speech by Chairman of the Council of Judges of the Russian Federation V. V. Momotov at a plenary meeting of the Council of Judges of the Russian Federation. *Sud'ya*, 2018, no. 7, pp. 16—21. (In Russ.)